

г. Москва

Газета №

Мы встретились с Евгением Евстигнеевым перед началом спектакля «Сталевары». Через два часа актер должен был выйти на сцену Петром Хромовым, рабочим человеком, не умеющим суесловить, чураться высоких слов. Но в трудную для товарища минуту Хромов сумеет преподать ему настоящий жизненный урок дружбы, человечности и бескорыстия...

— Вот сейчас сижу, говорю с вами и совсем не думаю о предстоящем спектакле и о моем Хроме. А надену его костюм, выйду на сцену, родится контакт с друзьями — уже не актерами, а сталеварами — и проживу жизнью моего Петьки. Потому что это все уже есть во мне и нужно только вызвать, выволотить... — задумчиво говорит Евстигнеев.

— Евгений Александрович, что делает человека актером?

Евстигнеев на секунду задумывается, закуривая сигарету:

— Самое страшное — это когда у актера пустые глаза. И слова вроде он скажет не просто так, а постарается, чтобы «поинтересней» звучало, и правильными эти слова будут, а кончится спектакль или фильм — будто и не было его вовсе. Такого «актера» иногда в бинокль рассматриваешь, вглядываешься: а сам-то ты кто такой? Не поймешь... Это все потому, что равнодушен актер. Не к роли равнодушен, к людям. К жизни. Не думает он, что вокруг него происходит, чем люди живут, для чего, как помочь

и м. Заряда гражданственности у него нет. Актер, по-моему, это тот, кто чувствует острее всех, всем существом своим.

...Вот дали мне роль. Кто я такой по профессии — сказано. Как внешне выгляжу — описано. Какие слова говорю — тоже известно. А вот что стоит за словами — это главное. Когда роль хорошо сделана талантливым актером, зритель из зала уходит, а тебя не забывает. Живет, свои дела делает, своими мыслями занят, а тебя помнит. Потому что зацепил ты его, взбудоражил. Может, даже

что-то в нем самом открыл и ему же показал: смотри, думай. Только для этого надо, чтобы подлинность в тебе была. Вот Смоктуновский, например. Или Анна Маньяни. Или Жан Габен. Он ведь вроде и не играет совсем, а от него глаз оторвать невозможно. Потому что человек перед тобой. Живой. Умный.

— Я ведь чего хочу?— продолжал он размышлять вслух.— Чтобы зритель охнул от неожиданности: да ведь это про меня. Внешний рисунок роли, техника игры, дикция, умение держать себя на сцене— об этом и говорить не нужно. Это все должно у тебя быть— иначе ты не артист. Но если у тебя есть только это и ничего за душой, ты тоже не актер. Человек сидит в зале и смотрит на тебя, на актера. А у актера глаза грустные. Не играет он то, что глаза грустные, а на самом деле так. Вот ниточка и протягивается. Контакт. Вчувствование начинается. И еще: никогда актер не должен отстраняться от некрасивого поступка своего героя. Мол, не я, Евстигнеев, это сделал, это вовсе мой герой творит, а я тут ни при чем. Мне, может, за него стыдно даже. Это роль губит. Если ты по роли подлец—ты должен стать на сцене подлецом, чтобы зритель тебя прямо терпеть не мог. Когда зритель поверит, что это все всерьез—тогда толк будет. А иначе ты будешь сам по себе, а роль сама по себе. Останется холодной, как собачий нос,— улыбается Евстигнеев.

— Почему вы решили стать актером? — задаю я вопрос, которого не избежал, наверное, ни один известный артист.

— Зачем пошел в актеры, почему — размышления об этом появляются позже, в зрелости. В молодости над этим задумываешься меньше, хотя у всех, конечно, это проходит по-разному. Хотелось заниматься именно этим делом, оно влекло к себе. Поступил в театральную студию. Прошла длинная череда встреч с многими удивительными людьми — Михаилом Ульяновым, Юрием Яковлевым, Иннокентием Смоктуновским. Годы работы в театре, прежде чем я понял: актерская нелегкая жизнь — это моя судьба, которую я ни на что не променяю. Очень важна была для меня и встреча с Олегом Николаевичем Ефремовым, с которым мы работаем вместе почти двадцать лет. Сначала — в театре «Современник», который мы вместе организовали, сейчас — во МХАТЕ.

— Кстати, а как же ваши роли в «Современнике» после перехода во МХАТ? Вам не жаль их?

— А я их по-прежнему играю. Недавно даже ездил вместе с «Современником» на гастроли в Ригу. Возили туда четыре спектакля — «Большевики», «Традиционный сбор», «Назначение» и «На дне».

— Скажите Евгений Александрович

вич, а не трудно носить в себе столько людей, да еще таких несхожих, как, например, Сатин из горьковской пьесы «На дне» и Дорн из чеховской «Чайки», Сергей Усов из «Традиционного сбора» и Петр Хромов.

— А я сам тоже очень разный, — неожиданно улыбается Евститиев. — В человеке ведь очень много всего. Я все из себя и беру. Только иногда и сам не догадываешься, что это в тебе есть. А начинаешь над ролью работать — оно и оживает...

— Трудно ли на сцене?

— Актеру на сцене должно быть легко. Если есть главное — подлинность человеческого переживания, если идешь в роли от себя настоящего, то в роли легко. Легкость, я бы даже сказал, элегантность должны быть у актера в работе. Чтобы зритель не чувствовал напряжения в тебе. Трудно смотреть, как человек себя на сцене ломает, насилует. А это значит, что он от внешнего идет, «на мускулах» работает. Ведь когда ты уже зажил в роли, легко течь в общем течении характера, потому что врать не надо, мучать себя. Все — правда. Конечно, бывает, устаешь после спектакля, но это совсем иная усталость. От роли же получаешь удовлетворение...

— Можно ли сказать, что какая-то роль вам ближе всех остальных?

— По-моему, нет. В каждой роли есть нечто, что мешает тебе, не нра-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

**Евгений
ЕВСТИГНЕЕВ:**

вится, что приходится преодолевать. Но ролей много, и в каждой из них я другой. В этих переменах отдыхаю.

— Евгений Александрович, а как, по-вашему, можно определить талант?

— Наверное, это прежде всего жизненность проблем, отражаемых в творчестве, — если речь идет о таланте актера. Глубина знакомства с жизнью народа. Талант — это чувство сопричастности к тому, что происходит вокруг. Твоя гражданская наполненность, заряженность идеями, которые ты несешь в своем творчестве. Если этого нет — техника уже не спасает.

— А можно ли воспитать талант?

— По-моему, да, — твердо отвечает Евстинеев. — Но что для этого нужно? Талант всегда хочет хотеть. Вы меня понимаете? Есть люди, которые этого не умеют — хотеть. А если талантливый молодой человек попадет в нужную ему атмосферу — он расковывается.

— Как вы относитесь к проблеме современного героя?

— В любой роли должен быть современным результат, те мысли, которые появятся у зрителя после игры актера. Если актер не сумел сыграть роль исторического плана, откуда же у него возьмутся творческие силы сыграть современный характер? Ведь это задача отнюдь не легче, а, пожалуй, еще сложнее. Если актеру есть что сказать людям, он скажет это в любой роли.

— На сцене МХАТа вы впервые играете рабочего человека. Чем интересен для вас этот образ?

— В нем мне открылась какая-то новая грань человеческого характера. За Петром Хромовым встает определенный тип рабочего человека хорошей трудовой заправки. Он неровен, совсем не идеален в своих поступках, но по большому счету — это прекрасный, по-своему очень тонкий и привлекательный человек. В работе над ролью мне помогло и то, что до театральной студии я три года работал слесарем на заводе. Теперь «ощущение цеха» легче дается.

— Что такое, по-вашему, актерская зрелость?

— В зрелости простота приходит, понимание. Грим не нужен — я от него сейчас почти отказался. Трюки не нужны — пустое это. Техники актерской владеешь. Вот тогда и начинаешь думать — что же главное...

— Так что же главное, Евгений Александрович?

— Для меня — доверие зрителей.

Зритель помнит актера, если тот ему открыл что-то новое. А актер всегда помнит, каким был зрительный зал вчера, позавчера, месяц назад. И по нему сверяет свою игру.

Беседу вела В. ГУДКОВА.